

Умственное разстройство Греціи восходитъ ко временамъ софистовъ... Средневѣковые софисты своими диспутами подготавливаютъ возмущенія и войны реформаціи. Правда, вліяніе ихъ было не настолько сильно, чтобы могло помѣшать возвращенію болѣе здоровыхъ преданій (т.-е. господства римской церкви и свѣтскихъ ея ревнителей?); зато софисты нашего времени, кажется, снова приобрѣли такое же вліяніе, какое имѣли софисты Греціи. Ихъ доктринами наполняются наши газеты, оглашаются наши парламенты, вдохновляются наши историки; наши школы и университеты повторяютъ ихъ, не сознавая того; они рѣшаютъ будущность юношества и славу нашихъ ученыхъ; народъ по-своему толкуетъ ихъ и примѣняетъ къ дѣлу (стр. 15—16). Какъ же примирить съ этою мрачною картиною приведенное выше утвержденіе, что работы софистовъ совпадаютъ съ „самыми блестящими эпохами философскаго умозрѣнія“?

Нападая на софистику, какъ на „простую игру ума“, Функъ-Брентано въ то же время смѣшиваетъ вліяніе идей съ господствомъ словъ, и рассуждаетъ какъ настоящій софистъ. „Какихъ ужасныхъ волненій, — спрашиваетъ онъ, — не вызывало въ наше время одно слово о правахъ человѣка? Одни видятъ въ немъ абсолютные принципы человѣческаго духа, источникъ всякаго добра и всякой нравственности; другіе истолковываютъ его съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ потребностей... Не только наука, но и счастье народовъ зависитъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ, отъ хорошо обработаннаго языка“. Нечего и объяснять, что люди увлекались идеями и интересами, выражаемыми въ извѣстныхъ словахъ, а не самими этими словами; различное же пониманіе данной идеи нисколько не зависитъ отъ болѣе или менѣе „обработанности языка“. Сравнивая новѣйшую софистику съ греческою, авторъ находитъ, что „мысленіе грековъ было яснѣе, ихъ рѣчь лучше обработана, ихъ книги лучше написаны; понятія же нашихъ антиномистовъ менѣе ясны, рѣчь ихъ высокопарна, книги темны“ (стр. 85). Замѣчаніе это, быть можетъ, и справедливо; но оно касается больше формы, чѣмъ содержанія.

Критикуя такихъ мыслителей, какъ Джонъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ, авторъ относится къ нимъ съ забавною самонадѣянностью; онъ отыскиваетъ у нихъ одни лишь противорѣчія и софизмы, не замѣчая положительной стороны ихъ ученій. Онъ хочетъ увѣрить насъ, что „Милль не понялъ ни индукціи, ни правилъ ея“ (стр. 158), что онъ „имѣетъ лишь темное представленіе о важномъ значеніи метода въ философіи и не знаетъ истинныхъ свойствъ умозрѣнія великихъ писателей“ (стр. 183). Авторъ объясняетъ свою строгость тѣмъ, что онъ „изучаетъ Милля съ точки зрѣнія истины, и прила-